

Н.К. Данилова

Самарский государственный университет

СТРАТЕГИИ НАРРАТИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

N. Danilova

Staatliche Universität Samara

STRATEGIEN DER NARRATION

Es handelt sich im vorliegenden Beitrag um die Strategien, die dazu dienen, einen kommunikativen Kontakt zu dem Kommunikatipnspartner aufzunehmen und dadurch zum gegenseitigen Verständnis beizutragen. Der Erzählakt wird dabei als ein für beide Kommimikationsteilnehmer gültiger Handlungsplan untersucht.

Особенность организации нарративной коммуникации заключается в том, что, в отличие от непосредственной (прямой) коммуникации, нарративный текст имеет целью *управление* поведением коммуникантов с помощью сложно организованной системы вербальных алгоритмов. Теоретическая проблема, вытекающая из данного предположения, может быть сформулирована как проблема взаимодействия свободы выбора коммуникативных решений и тех ограничений, которым этот выбор подчинен в условиях дистанцированной коммуникации.

В основу дальнейшего рассуждения нами будет положено дискурсивное понимание нарративной интеракции, позволяющее исследовать ее как особый *способ общения и понимания* окружающего мира [1. С. 15]. В качестве исходной посылки нам послужит признание того факта, что в случае литературной (нарративной) коммуникации речь идет о наиболее совершенной форме социального общения, использование которой предполагает наличие в

опыте коммуникантов развитых представлений о нормах рефлексивной коммуникации. Прежде всего нам предстоит ответить на вопрос о специфике художественного диалога, отличающей его от других рефлексивных форм общения, и о нормах, определяющих его развертывание. Специфика способа общения и понимания окружающего мира заключается в большей, чем в других дискурсах, свободе репрезентации и интерпретации, определяющей литературный диалог.

В современных коммуникативных подходах текст получает освещение как комплекс целого ряда коммуникативных явлений, как особый вид социального взаимодействия [2. С. 14]. Речевой акт с текстом как неотъемлемой составляющей представляет собой, согласно этой точке зрения, двуединый комплекс событий, процесс *продуцирования* говорящим высказывания и процесс *интерпретационного восприятия* готового речевого продукта.

Стратегическое основание дискурсивного смысла в нарративной интеракции создают субъектные позиции, в их репрезентациях отражается авторская «структура понимания», одновременно речь идет о том, как создается общее для участников литературной коммуникации «поле понимания», в котором осуществляется совместная рефлексивная деятельность реальных участников литературного общения. Обращаясь к анализу способов заполнения субъектных позиций, мы попадаем в область метасемантики, которая представляет собой изучение процессов семантического означивания в условиях вторичного кода, связанного с естественным языком отношениями интерпретации [3. С. 88].

Рассказ Гете «Weinlese» открывается секвенцией, целостность которой создается перспективой коллективного субъекта «wir»:

1) Wir lernten nun auch mit den Gartengeschäften umgehen, die, weil sie sich jährlich wiederholten, uns endlich ganz bekannt und geläufig wurden- Nach mancherlei Früchten des Sommers und Herbstes war aber doch zuletzt die Weinlese das Lustigste und am meisten Erwünschte < > (S. 28).

Коммуникативная перспектива в высказывании не выделена из «истории», что свидетельствует о выборе нарративной роли пер-

сонажа, свидетельством чего является использование претерита, глагольная форма времени, в семантике которой отсутствует связь с моментом речи. Другое значение *Я* свидетельствует о принадлежности именуемых субъектов классу деятелей. Деятель включен в определенный социум и реализует определенную программу действий в рамках событийного пространства:

2) «Die nachherigen Bemühungen beim Keltern und während der Gärung im Keller gaben uns auch zu Hause eine heitere Beschäftigung, und so kamen wir gewöhnlich in den Winter hinein ohne es recht gewahr zu werden» (S. 29).

Если в предыдущем анализе речь шла о вариациях отношений между актом рассказывания ($S1 \rightarrow O$), представленных двумя основными возможностями: субъективной, в которой преобладает «пространство говорящего», а объектная область не получает развернутого описания (формула $S1 \rightarrow (O)$), и объективной, в которой дискурс рассказывания поглощен событийным пространством, чья формула ($S1 \rightarrow O$), то дальнейшие модификации субъектов дают представления о бесконечных возможностях варьирования этих отношений.

В формуле субъекта высказывания рассказа В. Гете в структуру субъекта включен социально-предметный смысл, означающий, что отношения индивидуума с миром рассматриваются в системе его отношений с другими людьми (формула $S1 \rightarrow S2 \rightarrow O$) [4. С. 138-139]. Второй субъект в этом отношении, опосредующий элементарное субъект-объектное отношение $S1 \rightarrow O$, есть некоторый совокупный субъект, занимающий более высокий уровень абстракции, чем конкретный носитель действия.

Событийное пространство, создаваемое коллективным субъектом, имеет особенности, в его структуре преобладают количественные временные характеристики, связанные с мерностью времени. Неполная спецификация субъекта находит выражение в использовании неопределенного личного местоимения *man*, собственная семантика которого предполагает генерализированную квантификацию объектов:

3) Des Tages hört man von allen Ecken und Enden Jauchzen und Schießen, und des Nachts verkünden bald da bald dort Raketen und Leuchtkugeln, daß man noch überall wach und munter diese Feier gern so lange als möglich ausdehnen möchte (S. 29).

Проследим целостный стратегический (векторный) рисунок смысловой модели рассказа, в котором обозначим все интенциональные векторы. Начальная фаза вводится коллективным субъектом, в чьей перспективе объекты Wein и Weinlese раскрываются в рефлексии, предполагающей оценку: (4) \Diamond ist es ja keine Frage, daß wie der Wein selbst den Orten und den Gegenden, wo er wächst und getrunken wird, einen freien Charakter gibt, so auch diese Tage der Weinlese, indem sie den Sommer schließen und den Winter eröffnen, eine unglaubliche Heiterkeit verbreiten (S. 29).

Смена функций субъекта высказывания на этом этапе развития функциональной смысловой системы отражает изменение семантической формулы субъекта, трансформацию когнитивной функции. Исходное высказывание содержит позицию, заполненную субъектом речи и субъектами действия (индивидуальным и коллективным), синтетической формой обозначения которых является местоимение wir – (S1) (Sprecher) + S2+ S3+ S3+ S3+ n (Täter) (где S2 – индивидуальный, а совокупность S3+ S3+ S3+ n – множество деятелей или любой из них).

Субъект речи располагается внутри событийного пространства, выполняя нарративную роль персонажа. Иначе обстоит дело в следующей секвенции, связанной с изменением семантической формулы субъекта высказывания. Коммуникативная перспектива субъекта речи, отнесение к которой осуществляется посредством актуального настоящего времени, сочетается с деятельностной перспективой субъекта рефлексии, позволяющей ввести в тексте повествования оценку. Формула субъекта высказывания в этой фазе развития системы принимает вид [S (sp) + S (ref)].

Если вектор интенциональности в начальной фазе формирования системы может быть представлен как S (sp) → – S (ref), то направление интенционального вектора во второй фазе получает вид S1 v, где знак «v» означает направленность вектора интенциональ-

ности от внутреннего мира к внешнему, свойственную процессам рефлексии.

Развитие смысловой перспективы сопровождается перемещением точки отсчета в центр событийного пространства, в субъектной позиции оказываются совмещенными деятель и субъект рефлексии, о чем свидетельствует перцептивная глагольная лексика (*hören, wach, munter*). Формула субъектной позиции в этом новом состоянии субъектной перспективы (S)(Sprecher)+ (S2)(Reflektor)+ S3+ S3+ S3 +.....(Täter). Доминирование событийного пространства сопровождается перестройкой субъектной перспективы в пользу категории лица, фиксирующей принадлежность описываемой ситуации к классу ситуаций восприятия.

Завершение рассказа предполагает возвращение к исходной субъектной перспективе, в которой в дополнение к существующим используется ориентация субъекта рефлексии: [(Ssp + S hand) + S(ref)]. Формула в этой новой диспозиции обнаруживает определенное смещение модуса (Ssp+ Shand) v (Sref), при котором предметом интенции становится коллективный субъект, включающий субъект речи и деятеля. Модусная рамка изложения не достигает, таким образом, полного ассонанса, сохраняя рефлексивное развитие повествования.

В исследованном рассказе эволюция модуса демонстрирует изменение рефлексивной ориентации, перемещающейся изнутри событий вовне и становящейся объектом интендирования и тем самым целью сообщения. Пространственно-временная ориентация рассказа, центром и источником которой всегда остается субъект говорения (или наблюдатель), приобретает целостность и завершенность в хронологии событий.

Природный цикл, описание которого формирует основное содержание повествования (его «историю»), характеризует объективное «положение дел», или отношение между объектами. Субъект-объектное отношение реализовано в пропозициональной установке «знания о типичном», повторяемость событий создает ожидание предсказуемого развития событий. По сути, содержание рассказа относится к представлению о событиях, типичных для любого ре-

гиона, связанного с виноделием. На фоне общей претеритальной основы изложения акцентным выделением отмечен фрагмент с особой формой коллективного субъекта, выраженным неопределенно-личным местоимением «man».

Неопределенно-личное местоимение связано с определенной перегруппировкой коммуникативных ролей, что позволяет признать факт существования нулевых форм местоимений: нулевого местоимения с синтаксическими свойствами 2-го лиц ед. числа и нулевого местоимения с синтаксическими свойствами 3-го лица [5]. В обоих случаях речь идет об обобщении однотипных ситуаций, высказывание с нулевым местоимением всегда касается класса ситуаций, а не отдельного конкретного набора событий. Протагонист, лицо, находящееся в фокусе эмпатии, выступает как обобщение.

Завершая анализ, отметим, что исключение лица при сохранении отнесенности к коллективному субъекту служит целям выведения за пределы событийного пространства индивидуального субъекта говорения. Совмещение в субъектной позиции референта и субъекта речи в каждом отдельном случае определено выбором деятельностной ориентации, перспективы того или иного субъекта действия, субъекта восприятия, субъекта рефлексии или субъекта физического действия. Речь идет, таким образом, об изменении стратегий представления описываемых ситуаций, сочетающем изменение способа понимания событий (когнитивной перспективы) и способа информирования партнера о них (коммуникативной перспективы). Оба вида стратегий имеют целью создание определенных условий понимания художественного сообщения, предпочтительных для адекватной его дешифровки.

Библиографический список

1. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филиппс, М.В. Йоргенсен. – Харьков: Изд-во “Гуманитарный центр”, 2004.
2. Тарасов, Е.Ф. Методологические основания исследования (речевого) общения / Е.Ф. Тарасов // Речевое общение: проблемы и перспективы. – М.: ИНИОН, 1983.

3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
4. Зинченко, В.П. Методологические вопросы психологии / В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
5. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Мастера русской культуры, 1997.

Список литературных источников

Goethe, Johhann Wolfgang. Weinlese / J.W. Goethe // Heiteres Darüberstehen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., S. 28-29.